
О.Камов

Песнь о Соколе

Рассказ

Безумству трезвых поём мы песню!..

Студфольклор шестидесятых

Он переехал в посёлок «Речной Воздух» как только закончили стройку. Занял самый дальний участок, рядом с чистым леском, местный рынок недвижимости в то время уже не кипел, как Йеллоустоунские гейзеры, — можно было выбирать. К тому же его интересовал не престижный вид с крутого берега на спешащий к Океану могучий серый поток, а скромные елочки-сосенки на задах. Между прочим, в тех иголках он в отдельные годы рыжики собирал, но здесь его добычу некому оценить.

И даже сейчас дома по соседству пустуют — не хочет управляющая компания цены снижать. Так что его покой не нарушали ни рычание многосильных моторов модных траков и навороченных внедорожников, ни детские визги, ни семейные ссоры — правильную берлогу себе выбрал.

Одно досадное исключение: редкие порывы западного ветра приносили иногда приглушенные стуки-щелчки выстрелов из тира-сарая Национальной стрелковой ассоциации рядом с прогулочной тропой, переоборудованной из заброшенной железнодорожной колеи. Впрочем, не позже восьми вечера убийства холодных мишеней заканчивались, и полная тишина опять торжествовала.

Общение никогда его не привлекало. В Рисерч Центре без этого было не обойтись. Но в свободное от работы время — извините.

А пенсионером сделался — потребность в слове изреченном почти исчезла. Тут и Интернет руку приложил: музыки, литературы, новостей — больше, чем требуется. И одновременно неграмотность, нетерпимость, открытая ненависть незнакомых больных людей расцвела ядовитым спектром. Гори они огнем, собеседники потенциальные. Ему выдуманные книжные персонажи ближе и понятнее. А милые звуки — вообще сами в душу ложатся, не требуют усилий для осмысления: все прожито-пережито давным-давно, все принимается с благодарностью с первой ноты. Причем слова, если Мария Каллас поет — это же «Каста Дива», это же Беллини...

Автор, сочиняющий под псевдонимом О.Камов, — специалист в области прикладной и вычислительной физики, окончил МФТИ, работал в одном из московских академических институтов. Рассказы опубликованы в журналах «Знамя», «Урал», «Новый Берег», «Звезда».

Предыдущая публикация в «ДН» — 2020, № 12.

Правда, порою тоска наваливалась... Милосердно давала знать ему заранее: сухость во рту — как перед ответственным докладом. Или слабость неожиданная, по счастью, недолгая. Или новое чего-нибудь... Неважно, сразу доходило: оно.

Когда еще здоровье имел — лечился стандартно: грамм двести-триста односолодового. Помогало.

Но не всегда, и тогда приходили сны и «змеи сердечной угрызенья» — ровно по признаниям кудрявого молодого чувака. В ночи он повторял все свои прискорбные отвратительные дела — один к одному. И ничего-ничего-ничего не мог изменить — как ни хотел. Какие же страсти им владели годы и годы назад? Не смыть ему печальных строк. А Поэт свои смыть — не хотел или не смог? Ведь мучился, слезы лил. Загадка...

Он даже к шринку ходил. Не к какому-нибудь психотерапевту-самоучке — настоящему психиатру, из Mental Health.

Конечно, он понимал, что этот визит ему карьеру может испортить. Да бог с ней, с карьерой, не тронуться бы умом, ведь можно пропустить момент, в который дураком сделаешься. И кто тогда подскажет? — он давно один как перст, но к добрым друзьям в дурдом не переедет ни за что.

Юный бородатый врач его разочаровал: слушал невнимательно, гнул свое, спросил коротко: «О суициде думали?» И когда он ответил мгновенно: «Нет!» — резко потерял интерес.

«Полегче, полегче, сэр, — что за страхи, какое безумие? — у всех нервы, в непростое время живем, вы же в Центре работаете, папа покойный там же трудился, оттуда каждый второй пациент приходит с одинаковыми жалобами, один раз в день, после завтрака, через три месяца встретимся, может, чуть подправим», — и протянул рецепт.

Видно, их теперь так учат. Пришел домой, залез в Интернет: антидепрессанты-нейролептики могут усиливать риск суицида — ну да, известный сайд-эффект, у многих лекарств наблюдается — получи то, от чего лечишься, основы философии.

Все же решил попытаться, начал таблеточки кушать. Долго не соображал, что с ним происходит: голова гудит, ни о чем думать не хочется, но тянет двигаться — неважно куда. Все свои действия оцениваешь как бы со стороны. И даже иногда с той же стороны как бы глядишь сам на себя — чур его, чур! С этими ощущениями ему красную ковровую дорожку раскатят прямо до Ментального Института.

Через три месяца позвонил мозгоправу, сказал, что все неприятные симптомы исчезли и попросил разрешения закончить лечение, — тот не возражал. Без дьявольского снадобья действительно полегчало.

И почти в то же время его посетили.

Он в тот день работал из дома, очень напряженно, завершали важный проект. Устал, откатился в кресле от компа, глянул в огромное, до полу, окно на балкон.

Большая птица, хоть и меньше орла, застыла неподвижно на перекрестье перил. Заостренный крючок клюва. Шея, как у борца, отсутствует. Пестрые перья с серовато-красноватым отливом...

Мистер Соколофф, или сеньор Фальконе по-итальянски: он уже видел их, часами парящих под облаками, перья крыльев и хвоста почти сливались в полете в единую несущую поверхность неимоверной площади. Так вот почему из его ярда внезапно исчезли тучи назойливых юрких бурундучков-землекопов заодно с пугавшими его вначале безобидными садовыми змейками!

«Хорошая работа, сэр, приветствую вас в собственном гнезде, попробую вас посылно отблагодарить, вы залетайте сюда, спускайтесь иногда со своих высот. Знаю, вы не особенно разговорчивы, — но я этому только рад, сам молчун».

Он растворил балконную дверь, — нежданный гость неспеша оттолкнулся мощными лапами и воспарил. Вот и представились друг другу без лишних слов.

В памяти вдруг нарисовалась волновавшая его детское воображение душевная песня из городского ретранслятора:

А соколов этих
Люди все узнали:
Первый сокол — Ленин,
Второй сокол — Сталин.

Как же он плакал безутешно, когда второй сокол с того дуба дуба дал...
Но недолго горевал и вскоре весело напевал с друзьями на школьных переменках:

Берия, Берия вышел из доверия,
А товарищ Маленков надавал ему пинков!

Потом он вообще потерял счет соколиным уходам-приходам-уходам... Наконец, просто перестал обращать внимание: у тех, на дубу, — одна жизнь, а у скромных людей внизу — другая.

Вот и этот залетный — тоже временный. Надолго ли?..

Когда в очередной раз ездил в магазин заговариваться на неделю, купил специально для хищника лоток свежайшей говядины, нарезанной тонкой соломкой, как для бефстроганов или азу — пусть привыкает к русским разносолам, сам бы сырым ел мясо такого качества, да диетологи не рекомендуют. Вернулся домой, положил несколько кусочков на балконе, точно там, где сокол присаживался, и забыл на время. К следующему вечеру там чисто было, не хотелось думать, что угощение умным и наглым воронам досталось, при его крутом госте их место — у параши.

Ну и тдтп, не спеша, шаг за шагом. Лавры великих дрессировщиков его не волновали, к соколиной охоте он тоже был равнодушен — это же не любимая грибная.

Но отношения, в конце концов, выстроились: носатый визитер уже не делал ноги при открывании балконной двери, а благосклонно мониторил хозяина еле заметным поворотом головы — скромно, достойно и без излишних колебаний воздуха. Год за годом...

Только не все, что построено, — на века.

Уход на пенсию не сильно изменил его жизнь, разве что больше стал гулять — по совету тех же докторов. Их «железная» тропа простиралась на мили и мили, и он двигался по ней, сколько мог. Потя и пыхтя, как настоящий паровоз, забирался на холмы. Пробовал отдышаться на спусках.

Когда проходил открытые пространства, часто видел обгоняющую его по луговой бирюзе или полевому золоту быструю тень. Обращал очи к небесам — точно, его молчаливый друг, товарищ Соколов. Интересуется. Он поднимал свой рюкзачок вверх, если там лежало что-нибудь интересное. Хищник пикировал с высоты, будто для смертельной атаки, но в последний момент аккуратно приземлялся рядом. Пугал? Играл? Ожидал-угощался-смывался.

Идиллия...

Потом он отдыхал на обочине, пока пульс не утихал, и шел обратно.

Однажды задержался около того самого тира, слишком уж громкая пальба оттуда шла, ведь не из базуки же они там шарахают.

— Нравится? — он не заметил подошедшего сбоку невысокого мужичка с продолговатым брезентовым мешком на ремне через плечо.

Даже не ответил, только развернулся лицом к собеседнику: чего болтать bestолку?

Но тот игнорировал его красноречивый жест:

— Я вначале так же останавливался тут. А потом решил: а чем я хуже? — В наступающих сумерках зубы незнакомца потрясали немислимой снежной белизной. — Зовите меня просто Ларри, у меня за спиной совершенное орудие убийства, знаменитая М-16, тридцать патронов в магазине, наверняка видели или слышали. А в руках держали? Вот и я нет до поры до времени. А как пришлось вставить в рот третью модель BMW — да, да, именно во столько мне обошлись импланты, — решил: ровно то, что доктор прописал. Иначе в следующий раз эта шпана тинейджерская порвет мне селезенку, или почки отобьет, или еще что-нибудь критически нужное, чего не починить ни за какие деньги. Поэтому оказался здесь, гораздо дешевле, чем современные медуслуги, поверьте. Правда, сейчас автоматическое оружие в нашем штате не купишь, но существуют и другие эффективные способы себя защитить, — Ларри расстегнул куртку и показал черную кобуру на поясе. — Вы даже не представляете, какая уверенность приходит, когда всаживаешь пулю за пулей в мишень, в самое яблочко, и думаешь: «Ну, давайте, суки, рискните теперь подойти, свалить дедушку, ногами оттоптать... Украшу асфальт кровавым мясом, порадую местных ворон!» И всего-то сделал им легкое замечание, типа комментарий негромкий, что неплохо было бы сигаретные бычки не на землю швырять, а в урну. Цветы жизни... — пусть сосут теперь. Подумайте, на исходе дней у вас появляется шанс ненадолго встретить иные — неужели не попробуете? Чувствую себя — будто выпил прилично, а ведь ни капли не принял. И так каждый раз после стрельб. Что-то зверское в душе просыпается, даже пугает иногда. Но и с этим научился управляться, добрые люди подсказали: девушку МарьХуанна зовут, пара затяжек — и все углы в овалы сглаживаются, небеса светлеют, пьянство забубенное и прочие непоправимые ошибки молодости превращаются в легкие приключения, сам себе кажешься лучше и добрей — жаль, что ненадолго. Воздушная вещь, уже почти легализована, практически никакой зависимости, поглядите на меня — разве я похож на нарка? В общем, вот вам моя старая магнитная карточка, прилепите к холодильнику, если надумаете — позвоните: «Постреляем, Ларри?» Пока, приятно было побеседовать.

Малый удалился.

Причудливые завитки на гибком прямоугольнике: *«Цветы на любой вкус. Ларри Голдфишер»*.

И телефонный номер.

Что сказать, самодеятельный стэндап Ларри произвел впечатление, с того дня карточка хранилась на дверце холодильника. А он — думал.

Он принял решение не сразу, а месяца через два, когда в их поселке, прямо на парадном въезде, наркоманы ограбили два дома. Полицейские офицеры побеседовали с каждым владельцем и посоветовали тем, кто еще не сделал этого, поставить

недвижимость на профессиональную охрану. Местная газета сообщала: незадачливых грабителей быстро схватили при попытке продать краденое, но он обратил внимание только на то, что пострадавшие хозяева случайно отсутствовали.

А что могло случиться, если бы они дома оказались? — он хорошо помнил «Хладнокровное убийство» Трумена Капоте.

Так он сделал свой выбор.

Ларри вел себя как заботливая мать: помог собрать все необходимые бумажки — про его давний визит к шринку никто не вспомнил, да и что там подозрительного было — у всех нервы! Помог выбрать аккуратный пистолет на восемь патронов. Рекомендовал его в клуб, где учил стрелять из своей М-16 и из новой «пушки»...

Наконец, познакомил с незабываемой МарьХуанной и ее дистрибьютором Кеном — воспитанным студентом местного колледжа. Когда возникало желание — он звонил Кену, говорил: «Простите, ошибся номером», тот отвечал: «Ничего страшного», в условленное время забирал из его почтового ящика деньги и оставлял взамен маленькую картонную коробочку с надписями — будто из аптеки. Предельно удобно.

А первую «трубку мира» выкурили у него в берлоге — он и Ларри, он решил сделать исключение для своего второго гостя, как сделал его для первого.

Ларри был замечательный чувак, он прямо-таки рвался дружить до гроба, торжественно обещал, что, если что не дай бог случится, — составит другу охуумопомрачительный венок...

В общем, под травкой разговорчивость цветочника становилась просто невыносимой.

Он твердо решил, что этот визит будет последним.

И на прощание сказал, отодвигая штору на окне: «Позволь, Ларри, познакомить тебя с моим старым другом, мистером Фалконом», — он твердо знал, что хищник здесь, он видел его краем глаза.

Конечно, его решение было неподготовленным и даже немного опрометчивым, он ведь даже не испросил у старого друга разрешения на знакомство — МарьХуанна избавила его от всех этих избыточных китайских церемоний.

Он растворил балконную дверь — мистер даже не пошевелился. Ну кто мог подумать, что в таком состоянии Ларри делается неустрашимым: широко распахнет объятья и со словами: «О, Фалко, мэн, как я рад, как поживаешь?» — двинется к углу, будто там муха сидит.

Хозяин крикнуть не успел, как зверюга мгновенно расправила огромные крылья и прыгнула навстречу своей добыче, он уже предчувствовал, как ужасные когти будут раздирать нежную человеческую плоть...

Но в миллиметрах от Ларриного скальпа птица практически вертикально ушла в небо — будто Боинг-777.

— Куда же он? — только и спросил маленький стрелок. — Зассал, что ли?..

Жизнь продолжалась, он по-прежнему стрелял и расслаблялся в перерывах, уже один, и видел в окне пернатого друга.

И однажды, под влиянием, даже решил выйти наружу и попросить у того прощения за неудачную презентацию; после сам не понимал, как до такого додумался.

Только друг мгновенно смылся, едва он приоткрыл дверь на балкон, будто в самое первое знакомство.

«Вы*бывается», — подумал он и решил, как в былые времена, приготовить угощение повкуснее.

Приготовил, но оно осталось лежать нетронутым.

«Чего тогда прилетает?» — подумал в немалом раздражении; он по застарелой своей привычке искал в каждом поступке логику, что довольно странно в применении к Природе. А, может, у травки поставщик поменялся — крепче забирает.

Купил ему в спецмагазине двух маленьких мышек, белых-белых — как импланты Ларри. В маленькой клеточке.

Идея была: хищник увидит подарок, заведется... А он подойдет, дверку откроет — тот их цап-царап. И сменит гнев на милость.

И простит его, ну сколько же можно!

На следующий день он проверил жертвоприношение на балконе.

И увидел: бывший друг насрал на клетку сверху!

Ну это тебе так просто не пройдет. Ответишь.

По высшей мере.

Он тщательно все убрал, выпустил мышек на свободу, выбросил ненужную клетку, проверил горелку в старой барбекюшнице, почистил и без того чистейшее оружие, раскурил трубку с МарьХуанной.

Потом еще одну, — он ждал...

Прилетел, наконец.

Он вышел на балкон и в один выстрел снес гаду голову к херам. Легко, как в тире.

Потом долго ошипывал мертвеца, вскрывал грудную клетку, пластал на решетке, регулировал огонь, опять курил в ожидании, проверял вилкой готовность, отрезал острым ножом кусок...

Блевал-блевал-блевал, до желчи, до слез, до погребального звона в ушах.

Вставил ствол в рот и быстро нажал на спуск.